

3 ІСТОРИОГРАФІЧНОЇ СПАДЩИНИ

В. Б. Антонович, В. А. Бец

Исторические деятели Юго-Западной России в биографиях и портретах *

Павел Тетеря. 1662—1664 гг.

Павел Тетеря происходил из малорусского шляхетского рода, приставшего к казачеству¹; по другим известиям он был родом из мещан Переяславских², получил хорошее образование — по свидетельству летописца был «в науце письменной цвечоный и во всяких речах беглый»³. Начал он службу полковым писарем Переяславским и в 1653 г. получил должность Переяславского полковника. В следующем году вместе с Самойлом Богдановичем, генеральным судьей, и другими Тетеря, после Переяславской черной рады **, отвозил в Москву грамоту, по которой гетман Богдан со всей Украиной добровольно принимали подданство Московского царя. После этого, в течение почти двух лет, нет никаких сведений о Тетере. Затем, когда Богдан Хмельницкий, чувствуя приближение смерти, 6 августа 1656 г., созвал на раду всю старшину казацкую, которая должна была еще при жизни выбрать ему преемника, то указывал на Тетерю как на одного из кандидатов на гетманство в числе других полковников. В продолжение гетманства Выговского и затем Юрия Хмельницкого Тетеря постоянно принадлежал к числу старшин, которые стояли за присоединение Украины к Польше. В переписке польских вельмож Выговский и Тетеря постоянно упоминаются вместе, из чего можно заключить, что Тетеря был самым деятельным его помощником.

Он принимал участие в первом посольстве к царю, которое отправил Выговский с уведомлением об избрании его гетманом. В 1658 г. Тетеря от имени гетмана Выговского ведет переговоры с Беневским о соединении Украины с Польшей; он заключает и подписывает в Межириче договор с условиями подданства Польше, служивший как бы приготовлением к Гадячскому договору ***. В том же году Тетеря опять был отправлен послом в Москву и привез на Украину грамоту с объявлением царской немилости за избиение Выговским послов запорожских, ездивших с доносом на него. В ноябре 1660 г. Тетеря, по настоянию Беневского, получил должность генерального писаря и тогда же совещался с ним о средствах уничтожения Гадячского договора. В феврале 1662 г. он упоминается в актах с польским чином стольника Полоцкого, он получает от сената инструкцию на ведение переговоров от имени короля с ханом и гетманом запорожским.

Находясь под давлением всеобщего недовольства, Юрий Хмельницкий последовал наконец совету приближенных опытных людей, и главным образом родственника своего Павла Тетеры (женатого на его сестре Елене, вдове Данила Выговского), и в начале октября 1662 г.

* Продовження. Початок див.: Укр. іст. журн.— 1990.— № 9; 1991.— № 3.

¹ Лет. Велич. кн. II., 36.

² Лев и ц к. Очерки внутр. іст. Малорос.

³ Лет. Вел. II, 38.

** Йдеться про Переяславську раду 8 (18) січня 1654 р.

*** Гадяцький договір, підписаний 16 вересня 1658 р., передбачав перехід України до складу Польщі. В її межах планувалося створити «Велике князівство Руське», надати ряд привілеїв старшині, зробити значні поступки православному населенню і т. п.

оставил гетманское достоинство и постригся в монахи, назначив Тетеря наказным гетманом. Через несколько дней, в средних числах октября, Тетеря созвал в Чигирине представителей правобережной старшины и черни на раду, на которой и был выбран гетманом, под условием оставаться со всем войском запорожским во владении короны Польской. Избрание было не единогласным, так как многие сторонники Велико-

россии сильно протестовали против выбора лица, преданного Польше. Тотчас по избрании Тетеря открыто перешел на сторону поляков. Сохранился целый ряд его писем к королю, относящихся к этому времени, в которых он просит о присылке коронных войск, чтобы с их помощью выгнать Орду и привести Левобережную Украину к подчинению Польше.

Новому гетману немедленно пришлось вступить в борьбу с левобережным гетманом Сомком*, а после падения последнего с его преемником Брюховецким, которые стремились объединить под своей властью оба гетманства.

В то же время запорожцы, услышав об избрании гетманом Тетери и зная его приверженность к полякам, пишут ему, по обычаю, от всего коша письмо, в котором признают нового гетмана и определяют

свои отношения к нему. Вместе с тем, они советуют гетману оставить союз с поляками, предостерегая, что, в противном случае, с ним будет поступлено так, как запорожцы грозили Юрию Хмельницкому. Из письма этого видно, что к прежним опасениям — водворения шляхетского порядка на Украине, прибавился еще страх введения унии. Но Тетеря не обратил внимания на предостережение запорожцев, которые были выразителями общественного мнения народной массы, потому в скором времени начинаются против него восстания, причем запорожцы постоянно оказывают поддержку восставшим. Первым по времени было восстание Поповича, в мае 1663 г., в котором мы видим протест народный против шляхты. Иван Попович, полковник Паволоцкий, ввиду возобновлявшегося господства поляков на Украине, завел сношения с великорусским Киевским воеводой**, и стал оскорблять и изгонять шляхту из своего полка, за что Тетеря хотел его казнить, сделавшись гетманом. Попович обратился с просьбой о заступничестве к некоторым полковникам, сотникам и наконец к митрополиту и Гедвону Хмельницкому*** обещая принять священство, если его оставят в живых. По ходатайству этих лиц гетман простил Поповича и даровал жизнь, после чего тот действительно рукоположился в священники.

Но не прошло и года, как Иван Попович, видя «какие пакости делают ляхи и жидаы священникам» и вообще православным, принял опять звание полковника и возобновил сношения с киевским воеводой, обещая склонить на свою сторону казаков и снова привести Правобережную Украину в подданство царю. Получивши от воеводы царскую грамоту, Попович начал готовить восстание против Тетери. Войдя в соглашение с Сомком, левобережным гетманом, он возвратил-

* Яким Сомко з 1660 р. був наказним гетьманом Лівобережної України.

** Царським воеводою у Києві в цей час був князь Микита Львов.

*** Після відмови від гетьманства Юрій Хмельницький постригся в ченці під іменем Гедвон.

ся в Паволочь и истребил в территории своего полка всю шляхту, которая, надеясь на покровительство Тетери, возвращалась в свои имения на Украине, а также евреев и богатых мещан. Очевидно, восстание носило чисто протонародный характер. Со всех сторон начал стекаться и группироваться вокруг Поповича черный народ; составлялись отряды, расходившиеся из Паволочи в разные стороны, в свою очередь вербовали к себе всякий люд, грабили и убивали купцов и т. д. Соединившись с Сомком, Попович дал полякам целый ряд битв, постоянно разбивая их. В то время на помощь полякам явилась часть старшины казацкой — полковники и сотники, присягнувшие на верность королю и Речи Посполитой. Они соединенными силами осадили Поповича в Паволочи со всем его отрядом, доходившим до 1000 человек. Не желая подвергнуть город приступу и разорению, Попович добровольно вышел из города и предан с пятнадцатью товарищами в руки Тетери. Остальное ополчение, состоявшее под начальством Поповича, просило милости, которая и была им оказана: отобравши у них оружие и коней, ограбивши и поколотивши палками и обухами, им дали свободу; по выражению летописца, «живых пустили, даруя здоровьем»¹.

15 июня того же года Иван Попович был казнен; смертью его было подавлено это восстание. Летописец передает подробности казни. «15 июня этот поп приговорен к такой смерти: сперва раскаленным кирпичем или камнем стереть «гуменцо», что и было исполнено; затем он отдан был в руки палача, который его пытал. Гетман Тетеря никого не пускал к подсудимому, приказал палачу приложить ему к боку раскаленное железо, потом велел и палачу отойти, а сам, взявши бумагу и чернило, допрашивал: кто его подговаривал к восстанию или же он сам его задумал и кого из полковников или сотников он мог бы называть. Палач несколько раз пытал несчастного и после каждого раза отступал от него на некоторое расстояние, а Тетеря допрашивал с глазу на глаз; потом приказал отрубить руки и ноги, а туловище лежало несколько часов на площади и затем было сожжено»².

В одно время с Поповичем погиб и его союзник Сомко, казненный соперником своим Брюховецким, получившим гетманство на левой стороне Днепра. Брюховецкий задумал отнять у Тетери Чигиринское гетманство, он приготовился к походу и уже дошел до Кременчуга, но тут услышал о походе Яна Казимира на Украину и поспешно возвратился в Гадяч, откуда повел оборонительную войну.

Весной 1663 г. Ян Казимир просил сейм помочь ему возвратити под власть Польши Левобережную Украину. В первых числах октября польское войско собралось у Глинян под начальством короля, который привел с собой немецкое затыжное войско. Из Глинян король двинулся в Украину и 30 октября прибыл в Белую Церковь; тут встретил его гетман Тетеря и тотчас, возвратившись в Чигирин, собрал войско, с которым отправился вслед за королем под Глухов; с ним были прежние сподвижники Выговского: Богун, полковник Поднестрианский, Гуляницкий, бывший полковник Нежинский — и другие. Но уже в феврале Тетеря принужден был воротиться в Белую Церковь, получивши известие, что Выговский вышел из Бара, и, пользуясь восстанием крестьян на правом берегу Днепра, намеревается восстановить свое прежнее гетманство. Возвращаясь на правый берег, Тетеря оставил с королем старых полковников из страха, чтобы они не пришли на сторону Выговского. Явившись в Белую Церковь, Тетеря вызвал к себе Выговского будто для переговоров; они сошлись в местечке Рокитной, тут Выговский вместо переговоров был схвачен и казнен*.

¹ Ерлич II, 76.

² Ерлич II, 80, 87.

* Разом з Тетерею у страті І. Вигівського не останню роль відіграв польський полковник С. Маховський.

Между тем, поляки, переправившись через Днепр, стали брать штурмом левобережные города, не сдавшиеся добровольно, и истребляли их жителей; в тех городах, которые не оказывали сопротивления, они оставляли свои гарнизоны. Так они подвигались от Ржищева вдоль по Днепру, Десне и Остру по направлению к востоку. Сильные укрепленные города: Остер, Нежин, Батурин совсем не подверглись нападению: король обходил их, не желая тратить ни времени, ни войска. 15 января он прибыл в Кролевец, где в течение недели ждал к себе гетмана Тетерю, но, не дождавшись, пошел дальше, чтобы помешать Брюховецкому войти в Глухов. Осадивши Глухов, поляки окружили его валами и подвели несколько подкопов, но безуспешно; горожанам удавалось открывать подкопы и вынимать из них порох. Наконец подошел Брюховецкий; в сражении с ним поляки были разбиты, после чего король через Белоруссию возвратился в Польшу.

Еще до ухода короля из-под Глухова, Тетеря, чтобы обезопасить свое гетманство от всяких притязаний, нашел необходимым истребить всех тех из старшин, кто мог быть ему опасен в этом смысле. Он послал королю, занятому осадой Глухова, донос об измене казаков, бывших в королевском лагере в количестве нескольких тысяч, и главным образом на их наказного гетмана Богуня; донос состоял в том, будто Богун, его старшины и вообще все казаки давали знать в Глухов, в какой день или ночь осажденные должны были остерегаться приступа, причем наказной гетман посылал к ним на помощь по несколько сот казаков. Извещал, в каких местечках под валами были подкопы, и таким образом осажденные могли выбирать подложенный порох; два раза посылал им уведомление, где можно легко разбить королевское войско. Далее, Богун известил будто бы Шереметьева и Ромодановского о местах стоянок польских войск. Очевидно, все это были предположения или выдумки, но Тетеря решился на такой донос, чтобы так или иначе избавиться от опасных для него старшин. Результатом этого было то, что Богун и все, поименованные в доносе, были расстреляны, как изменники, по приказанию короля *.

При том король, уходя из Украины, взял с собой, как людей опасных, тоже по доносу Тетери, Гедеона Хмельницкого, Гуляницкого и митрополита Иосифа Тукальского, которые были сосланы в прусскую крепость Мариенбург, где пробывали в тюрьме несколько лет.

После ухода короля из Украины значительный отряд польского войска под предводительством Чарнецкого возвратился на правый берег, разоряя непокорные гетману города и местечки. Тетеря в это время был занят усмирением народного восстания около Коростышова и Паволочи, вызванного размещением на постой кварцяного войска. На помощь восставшим с юга шли запорожцы под предводительством Сирка. Чарнецкий направился к Чигирину, на пути своем разгоняя отряды восставших крестьян, взял Канев и Белую Церковь, отдал Стеблев на ясир¹ союзным татарам, сжег Бужин и Субботов и выбросил из гробов тела Богдана Хмельницкого и его сына Тимоша. Но все эти меры не привели ни к каким существенным результатам: хотя Чарнецкий осадил Сирка в Бужине, но кошевой в самый день Светлого воскресения успел пробиться из города, перебил множество поляков и возвратился на Запорожье, после чего Чарнецкий осадил Ставище и при осаде его был тяжело ранен.

В это время Брюховецкий, собравши войско, отправился добывать Чигирин, на пути взял Черкассы, но под Чигирином ничего не успел и был прогнан Тетерю. Положение последнего после ухода короля было весьма тягостно; он должен был отбиваться от Брюховецкого и помогавших ему московских сил, а между тем, рассчитывать на поддержку народонаселения он не мог, общественное мнение народа давно

¹ На разграбление.

* Цей факт зафіксовано у Чернігівському літописі XVIII ст.

было настроено недружелюбно к Тетери, в котором видело, не без основания, лишь покорное орудие Польши; оно находило сильную поддержку в Запорожье; Тетеря счел положение свое безвыходным и решился оставить гетманство. Еще во время приближения Сирка он готовился бежать в Польшу, что вероятно и исполнил бы, если бы не явился на выручку Чарнецкий; после удаления последнего Тетеря оставил Чигирин и переехал на жительство в Корсунь, взявши с собой часть старшины, клейноды и казну войсковую. Но и в Корсуне он пробыл недолго.

В январе следующего года Брюховецкий уже советуется со своими полковниками о средствах изгнания Тетеры из Украины, с целью соединения всей территории под своею властью, весной он открыл военные действия: отправил Лубенского полковника Гамалию к Чигирину в полной уверенности, что теперь легко будет взять город; но Чарнецкий послал несколько хоругвей войска в подкрепление осажденным, которые мужественно сопротивлялись. В это время Тетеря для обороны Чигирина нанял татар, с помощью которых Чарнецкий несколько раз под Каневом разбил Брюховецкого и принудил его возвратиться за Днепр. Сам Тетеря не участвовал в этом отражении; еще при начале столкновения он уехал в Польшу под предлогом какого-то дела к королю, забравши войсковую казну и все знаки гетманского достоинства, а управление краем поручил старшине и наказному гетману Ханенку. В Украину Тетеря уже не возвратился. Взамен потерянного гетманства и в награду за верность королю он получил богатое поместье на Воляни, местечко Колки, где и доживал век в качестве помещика.

В продолжение пяти лет, до 1670 г., о Тетере нет никаких известий, и только в 1670 г. из отчета Острожской комиссии мы узнаем, что отправляясь в Польшу, Тетеря, кроме казны и клейнодов, взял еще с собой документы, гарантировавшие права и привилегии Украины. В грамоте короля Михаила 22 декабря 1670 г., утверждающей Острожскую комиссию с войском запорожским, говорится, что «казакам не следует заявлять королю своих претензий на Тетерю, так как им раньше было объявлено, чтобы позывали его на суд трибунала; будучи извещен об этом, бывший гетман нарочно проживал в Варшаве и сам хотел разведаться судом, имея средства к защите, желал даже суда для прекращения претензий против него, но не мог дожидаться его. Казаки же воспользовались вовремя и пренебрегли представленной им возможностью, а теперь, когда он находится за пределами Речи Посполитой, никакой суд, ни даже королевский, не может сделать с него взыскания». По всей вероятности, дело идет о захваченных им войсковых клейнодах и сокровищах. После этого мы не имеем больше известий, относящихся к личности Тетеры*.

Демьян Игнатьевич Многогрешный. 1668—1672 гг.

О происхождении и начале служебной деятельности Демьяна Игнатьевича Многогрешного не сохранилось известий. В современном ему обществе он не пользовался уважением, как человек незнатного происхождения, — «мужичий сын», по отзыву современников. Первое документальное известие о нем относится к 1649 году. В реестре казацкого войска, составленном вследствие Зборовского договора, он записан в должности войскового есаула. В декабре 1650 г. Демьян Многогрешный, находясь в том же звании, вместе с Брацлавским полковником Нечаем, явил в книгу гродскую Киевскую королевскую грамоту, подтверждающую статьи Зборовского договора.

* М. І. Костомаров пише, що після серії судових тяжб з поляками П. Тетеря виїхав у Валахію, де зустрів сердечний прийом у господаря. Пізніше він перейшов під протекцію турецького султана.

В следующем году, во время войны, предшествовавшей Берестецкой битве, Многогрешный с отрядом казаков был послан Богуном в погоню за поляками, отступавшими от Каменца, но под Купчинцами потерпел поражение. Затем, в течение шести-семи лет о нем нет сведений. В 1668 г. мы встречаем Многогрешного в звании Черниговского полковника.

В первых числах января этого года гетман Брюховецкий собрал в Гадяч на раду всю старшину левобережную, которая вместе с ним

решила отложиться от подданства Москве, прогнать воевод и поддаться турецкому султану. Так как летописец ясно говорит, что на раде присутствовали все левобережные полковники, а Многогрешный был уже в это время Черниговским полковником, то более чем вероятно, что он также был на раде и вместе с другими приносил присягу в том, чтобы отложиться от Москвы*. Последовало изгнание воевод из большей части городов Левобережной Украины**. В Чернигове «мисто» (неукрепленная часть города) было опустошено и сожжено, но замок, где заперся воевода с великорусским гарнизоном, целое лето без успеха осаждался казаками и польством. Однако Многогрешный не долго оставался верен принятому обязательству. Весной того же

года князь Ромодановский с великорусскими войсками осадил казаков в Котевли, после чего казаки, оставивши Брюховецкого, вошли в сношения с Дорошенком, приглашая его на левый берег Днепра, где его обещали признать гетманом. Многогрешный был одним из первых полковников, изменивших Брюховецкому.

Дорошенко принял приглашение и, сделавшись гетманом обеих сторон Днепра (1668 г.), начал с того, что освободил котевлян от осады, прогнал Ромодановского, после чего продолжал дело изгнания воевод. Вскоре, однако, будучи в Путивле, получил из дому известие, призывавшее его в Чигирин. Он оставил наказным гетманом Демьяна Многогрешного и наказал, во что бы то ни стало, прогнать воевод из Переяслава, Нежина, Чигирина, не подозревая, что Многогрешный втайне благоприятствует Москве и только ждет случая открыто перейти на ее сторону. Пользуясь неурядицами в Левобережной Украине, происшедшими через предводителя запорожцев Суховия и союзных с ним татар, наказной гетман вошел в соглашение с князем Ромодановским; когда же, с наступлением зимы, запорожцы с татарами разошлись по домам, Многогрешный уже прямо начал сношения с московским правительством и всеми средствами старался войти в милость при Московском дворе. Так, например, отпустит всех царских людей, содержащихся под караулом в Борзне, Соснице и Погаре, взятых под стражу во время изгнания воевод Дорошенком. Кроме того, он сумел заслужить покровительство Черниговского архиепископа Лазаря Барановича, пользовавшегося большим авторитетом как на Украине, так и при

* Таємна рада була скликана у Гадячі. В ній взяли участь ніжинський, чернігівський, полтавський, переяславський, миргородський, прилуцький, київський полковники, ряд генеральних старшин та інші особи.

** Мається на увазі повстання 1668 р., яке охопило не лише Лівобережну Україну, а й Слобожанщину.

московском дворе, и Шереметева, посылавшего благоприятные отзывы о нем в Малороссийский приказ. Однако несмотря на все заискивания, Многогрешному пришлось, отправляя в Москву посольство с просьбой о разрешении избирательной рады, просить между прочим упразднения воевод в малороссийских городах, до того отвращение к ним было всеобщим. Впрочем, эта просьба и на этот раз, как и прежде, не была уважена.

Заручившись покровительством в Москве, Демьян Игнатьевич задумал из наказного сделаться полновластным гетманом левой стороны Днепра. С этой целью по отшествии Суховия в конце 1668 года он составил отряды, по большей части из нанятых шляхтичей и, собравши войско, на которое мог опереться в случае нужды, созвал под предлогом рады в Новгород — Северск ближайших городских полковников, которые, запертые во дворе, принуждены были предложить ему левобережное гетманство. Многогрешный, как этого требовал обычай, долго отказывался; по выражению летописца «одмовляясь, як стара дивка хорошего жениха», но наконец согласился и принял присягу в верности от своей старшины. В это самое время возвратились из Москвы Максаковский игумен Ширкович и обозной Петр Забела, посланные еще в прошлом году советом левобережной старшины испросить у царя прощения за измену Брюховецкого. Послы принесли грамоту, по которой вместе с прощением всему народу левобережному и старшине разрешалось выбрать себе отдельного гетмана, так как Дорошенко с Правобережной Украины отдан был полякам по Андрусовскому договору и следовательно не мог править левым берегом и подчиняться двум государям.

3-го марта 1669 года собрана была в Глухове генеральная рада, на которой снова гетманом выбран Демьян Игнатьевич; он принес присягу на верность царю. Здесь в присутствии князя Ромодановского и других чиновников, присланных из Москвы, и архиепископа Лазаря Барановича постановлены были новые договорные статьи, в которых повторялся договор, заключенный с Богданом Хмельницким, с некоторыми изменениями, клонившимися к ограничению местного самоуправления*.

Вскоре после Глуховской рады новый гетман получил царскую подтвердительную грамоту, по которой Алексей Михайлович в знак прощения малороссиянам всех их прежних измен и шалостей отпускал на Украину 258 человек пленных, взятых в предыдущих битвах.

Получивши известие об избрании Многогрешного, Дорошенко не мог так легко помириться с «умалением своего рейменту». Не теряя времени, он отправил часть своего войска на левый берег Днепра с приказанием всеми средствами отклонять народ от Многогрешного и привлекать к подчинению прежнему гетману. Демьян Игнатьевич, в свою очередь, выслал против этого войска наказного гетмана Стрыевского с городскими и кампанейскими полками. В первой битве под Рогинцами Стрыевский разбил войско Дорошенка; затем борьба тянулась с переменным счастьем до половины сентября, пока наконец Дорошенко не отозвал обратно войско, успевшее привести в подчинение ему всю Лубенщину и часть прилежащих к ней полков.

После этого Многогрешный еще не сразу успокоился на гетьманском уряде: он больше года употребил на подчинение себе левого берега. Только в 1670 году ему удалось наконец овладеть всей Левобережной Украиной. В летописи сохранился один эпизод из этой внутренней борьбы, показывающий как мало казацкие предводители обра-

* Глухівські статті 1669 р. забороняли гетьману безпосередні зносини з іноземними державами, обмежували переходи селян у козацтво. Водночас вони дещо зменшили кількість царських воевод на Україні та фіксували їх прерогативи виключно військовими справами. Проте в цілому ці статті були новим кроком на шляху обмеження автономії України.

щали внимание на благосостояние народа, когда дело шло об удовлетворении своего личного честолюбия. Воспользовавшись тем, что после Острожской комиссии Дорошенко, занятый деятельными сношениями с Турцией *, оставил без защиты Лубенщину, Многогрешный послал туда кампанейский полк под предводительством Кияшка, который очень круто повел дело объединения Левобережной Украины: он «безчеловечно и тиранско вирубал» людей, выезжавших из сел и городов за припасами. Вследствие таких жестокостей территория Лубенского полка и прилежащие к ней местности, где дольше всего держались сторонники Дорошенка, принуждены были наконец покориться Многогрешному.

Покоренное силой население, естественно, не могло дружелюбно относиться к гетману и тот, не уверенный в своей личной безопасности, решил выбрать новую резиденцию; по его просьбе Московское правительство указало ему новую столицу, Батурин, и прислало отряд стрельцов для охранения его особы. С этого времени вошло в обыкновение посылать гетману отряд телохранителей, которых он должен был содержать и которые наблюдали за его действиями.

Не имея другого способа отомстить своему противнику, Дорошенко исходатайствовал у Константинопольского патриарха соборное его проклятие, что тотчас же сделалось известно всей Украине. Сначала Многогрешный не придавал этому значения, но случившееся вскоре с ним несчастье (апплектический удар) и сам он, и его современники сочли следствием этого проклятия. Тогда он обратился к царю с просьбой ходатайствовать перед патриархом о снятии с него отлучения и о том, чтобы, в случае его смерти, даровали наследственное имение в Черниговском или Стародубском полку его семейству — матери, жене и детям — «где бы они могли вести мирное житие». Скоро он получил грамоту на просимые земли вместе с разрешением от патриарха. Вероятно, в это время он начал строить церкви в Нежине и Батурине; кроме того, обещал построить в Братском монастыре церковь и устроить школу.

Желая, в свою очередь, подавить соперников, Многогрешный прибегает к постоянным доносам: уже в апреле 1669 года был послан в Москву генеральный судья Самойлович; вместе с челобитной, составленной на основании Глуховских статей, он привез от гетмана донос на Дорошенка в том, будто бы тот поддался турецкому султану и бранил московского царя. Были присланы даже статьи договора, заключенного Дорошенко с султаном; подлинность их сомнительна, но, во всяком случае, они интересны для нас тем, что в них высказываются желания людей, пытавшихся всеми средствами доставить Украине политическую автономию. Вслед за тем, в начале 1670 года, Многогрешный доносил в Малороссийский приказ о неблагонадежности запорожского гетмана Ханенка и о дружбе его с Крымским ханом. В 1671 году Многогрешный задержал послов Ханенка, возвращавшихся с острожской комиссии, и держал под стражей, пока не получил из Москвы приказа выпустить их. Кажется, в том же году Многогрешный принимал участие в усмирении Разина, а именно он задержал и отправил в Москву одного из его агентов и затем послал на помощь великорусским войскам против Разина отряд казаков под предводительством генерального есаула Гвинтовки и своего брата Василия **.

* У переважної більшості вітчизняних істориків (дожовтневих і радянських) не викликає сумнівів той факт, що у 1669 р. П. Дорошенко уклав договір з Туреччиною про протекторат. Власне, про це пише згодом і сам В. Б. Антонович.

** Наймані полки гетьманського війська брали активну участь у придушенні селянської війни 1667—1671 рр. під керівництвом С. Т. Разіна. Разом з військами белгородського воеводи вони розгромили сили повстанців в Острогозьку, Чугуєві, Балакмі, Змієві та інших містах.

Выказывая полнейшую преданность Московскому правительству, Демьян Игнатьевич вначале поддерживал хорошие отношения с великорусскими наместниками: Ромодановским, Шереметевым и др., чтобы иметь сильных сторонников, и по-видимому успел в этом: на все его посольства из Москвы получались дружелюбные ответы, доносы его принимались благосклонно, хотя им не придавали большого значения. В действительности же положение его становилось непрочным: гетман настаивал на том, чтобы точно определены были границы с Польшей и указывал необходимость присоединения к Малороссии пограничного города Гомеля, жители которого прислали о том челобитную, жалуясь на притеснения польских урядников; предложение это было отклонено боярской думой, но гетман, несмотря на полученный отказ, принял Гомель под свое покровительство. На просьбы гетмана об определении границ приходили уклончивые ответы, что Московское правительство в свое время договорится с поляками о границах, а гетману сообщит о результатах. В малороссийском приказе Многогрешному ставили в вину неисполнение статей Глуховских: вопреки условию он не высылал обратно крестьян, беглых из Великороссии, а, напротив, принимал их и позволял селиться в своих владениях.

С другой стороны, гетман завел с Дорошенком сношения, возбуждавшие подозрения старшин, которые немедленно сообщали о них в Москву: сношения эти состояли в следующем: когда в 1671 году польский полковник Пиво начал грабить окрестности Киева, то Многогрешный, сообщив в Москву свои опасения по этому поводу, разрешил своим казакам переходить к Дорошенку и вместе с ним воевать против поляков.

В начале февраля следующего года гетман прямо заявил перед Московскими послами о том, что Дорошенко состоит с ним в постоянной переписке и навеки с ним помирился; что Дорошенко не только отказался от притязаний на левую сторону Днепра, но и даже подверг наказанию своих союзников, татар, пограбивших левобережных жителей. Сверх того, Многогрешный высказывал желание, чтобы царь принял Дорошенка в свое подданство. Все это доказывало хорошие отношения между двумя гетманами, чем не замедлили воспользоваться враги Демьяна Игнатьевича. Враждебно же к нему относилась вся старшина казацкая; она не могла простить Многогрешному насильственного его избрания, притом личный характер гетмана постоянно усиливал раздражение в среде старшин.

Демьян Игнатьевич Многогрешный был человек нрава вспыльчивого и необузданного; чувствуя свою силу, он злоупотреблял правом бесконтрольного суда над старшинами, которым пользовались гетманы. Из «статей» гетмана Самойловича мы узнаем, что Демьян Игнатьевич, под видом суда, позволял себе разного рода жестокости и притеснения над старшинами: часто в нетрезвом виде доходил до того, что в случае противоречия бросался на старшин, бил их и даже рубил саблей; притом, гетман без суда смещал их с урядов и на их место назначал своих родственников и друзей. Так, в 1671 году он лишил должности переяславского полковника Дмитрашка-Райча и управление переяславским полком поручил генеральному бунчужному Стрьевскому. Далее, гетман лишил уряда Стародубского полковника Рославца, а на его место поставил своего родственника Шумейка; Черниговский полк отдал брату своему, Василию Многогрешному, и вообще все важные должности старался заместить близкими людьми.

Сознавая недовольство старшины, гетман сделался очень подозрителен, он запретил своим старшинам всякие сношения с начальниками стрелецкими и с великорусскими послами.

Все эти причины, вместе взятые, давали богатую почву для доносов, от которых особенно страдала Украина того времени.

Действительно, еще в начале 1671 года, едва успел Многогрешный утвердиться на гетманском уряде, на него поступил донос от Ханенка в том, будто он вместе с Дорошенком думает поддаться султану. Этому первому доносу в Москве не придали значения, но раз он был принят, то этим самым обеспечивался прием доносов и на будущее время.

В начале следующего года на гетмана начали поступать доносы от стрелецкого начальника Неелова и от старшин: генерального обозного Петра Забелы, войсковых судей Самойловича и Домонтовича, полковника Дмитрашка-Райча и генерального писаря Мокриевича. Они жаловались на самоуправство гетмана над семейством Киевского полковника Константина Солонины, доносили о дружелюбных сношениях с Дорошенком, о том, что гетман на бенкетах сам пьет за его здоровье и других заставляет пить; что он собирается будто бы ехать к нему на свидание в Киев и помогает ему деньгами, будто он хочет женить своего племянника, Михайла, на дочери Дорошенка. Сверх того прибавляли, будто гетман позволяет себе резкие выражения против царя; запрещает старшинам видаться с московскими людьми и следит за их действиями через своих слуг. Будто гетман уверял старшин, что царь требует их всех в Москву, чтобы оттуда удобнее сослать их в Сибирь. Наконец, будто бы гетман готовился избивать царских чиновников в Батурине и других городах.

Все эти доносы возбудили наконец в Москве подозрения, которые еще больше подтверждались резкими выходками гетмана перед царскими послами. Так, например, в 1671 году перед подьячим Савиным, он грозил восстанием, если царь отдаст Киев полякам. Вскоре прибыл другой посол, Танеев, перед которым гетман, будучи в нетрезвом состоянии, очень резко выражал свое неудовольствие на то, что его послы не были допущены в Москве к совещанию с польскими послами о делах, касающихся Украины, и на то, что царь помогал полякам деньгами в найме войска для покорения Дорошенка. Демьян Игнатьевич до того увлекся, что обещал ограбить поляков, которые будут возвращаться с деньгами из Москвы, и даже грозил перейти со всей левобережной Украиной в подданство турецкого султана.

Все это, разумеется, было передано в Москву и привело к тому, что на последний донос, к которому прибавлено было предложение от старшины схватить гетмана и доставить в Москву, получен был утвердительный ответ, следствием которого и был арест Многогрешного.

Ночью с 12 на 13 марта 1672 года старшины: Петр Забела, Домонтович, Самойлович, Карп Мокриевич, Дмитрашко-Райч, бывший полковник Стародубский Рославец и наказной Нежинский полковник Уманец с отрядом стрельцов схватили Демьяна Игнатьевича спящего, связали и увезли из Батурина в Москву. Все это было сделано так тихо и поспешно, что никто до следующего утра не знал о случившемся и «затяжное» войско, охранявшее особу гетмана, не могло оказать ему защиты.

Друзья Многогрешного после катастрофы над ним поспешили в Москву с доносами, чтобы избавиться от грозившей ему участи; по обычаю того времени подвергался преследованию не один только обвиняемый в преступлении, но вместе с ним несли ответственность его друзья и родственники.

Немедленно была получена царская грамота, по которой управление краем поручалось старшинам, выказавшим свою преданность царю: Забеле, Самойловичу и Домонтовичу.

В половине апреля начался суд над Многогрешным. Обвинительными пунктами были поставлены присланные на него доносы. Сначала Демьян Игнатьевич все отрицал, отвечая на все обвинения, что он человек простой и, если что-нибудь в его поступках и подало повод к подозрению в измене, то все это было им совершено без всякого преступного умысла; впоследствии, под пыткой, он сознался в сношениях с

Дорошенком, хотя отрицал измену и все другие обвинения и уверял, что действовал без сообщников.

Вместе с бывшим гетманом привлечены были к суду: брат его Василий Многогрешный и бывшие друзья его: генеральный есаул Гробович и Матвей Гвинтовка; хотя последний и отрекся от дружбы с бывшим гетманом и поспешил с доносом немедленно после его ареста. Все они отрицали обвинение гетмана в измене и давали показания, по-видимому вполне оправдывавшие их.

По старинным правам казацким, они сами, войсковым судом, должны были судить гетмана и старшину. Поэтому Алексей Михайлович предлагал отправить подсудимых на Украину, но старшины, управлявшие краем, просили не присылать Демьяна Игнатьевича, ввиду могущих произойти на Украине волнений, а судить его в Москве. Но народ не был доволен таким самоуправством старшин, можно видеть из отписки князя Ромодановского в Москву о народном волнении, когда старшины опасались, чтобы народ не избил их. Узнавши о несчастье, постигшем Многогрешного, и желая облегчить его участь, Дорошенко писал Киевскому воеводе, что в характере его сношений с Демьяном Игнатьевичем не было ничего предосудительного, так как они велись исключительно с целью упрочить мир между обеими частями Украины, что могло вести скорее к славе, чем к бесчестью царя. Однако это обстоятельство нисколько не послужило в пользу Многогрешного, а скорее было обращено против него.

Демьян Игнатьевич Многогрешный и его брат были приговорены к смертной казни, но перед самым исполнением приговора на площадь принесен указ, по которому смертная казнь заменялась вечной ссылкой в Сибирь вместе с их семьями и другими подсудимыми. На другой день им объявлена была царская милость, а именно: Демьяну Игнатьевичу ассигновалась на дорогу 15 руб., Василию — 10, остальным по 5 рублей и позволялось взять с собой самые необходимые для обихода вещи. Небольшое имущество бывшего гетмана приказано было употребить на постройку церквей, которые он начал строить. В Москву прислано было семейство Демьяна Игнатьевича — его жена, два сына и дочь, племянник Михайло и две работницы, — после чего все осужденные вместе были отправлены в Тобольск и затем определены в казачью службу и разосланы по разным городам. Демьян Игнатьевич был отправлен на жительство в Селенгинск, где был приписан в дети боярские. Жил он в ссылке довольно долго. В 1688 году он вместе с сыном Петром принимал участие в усмирении восстания восточных бурят. Это последнее известие о нем; о мужском потомстве его ничего не известно, потомки же его дочери до половины XVIII столетия встречаются в Селенгинске*.

(Далі буде)

Підготовка до друку та коментарі
В. М. Рички і В. А. Смоля.

* Дочка колишнього гетьмана вийшла заміж за дворянина І. Бейтанела, а онука — за священника місцевої церкви.